

Наша печаль, наша любовь

Сегодня — десять лет с того дня, как ушел из жизни Дмитрий Сергеевич Лихачев. И с каждым годом эта утрата ощущается острее: есть ли сегодня у России, у Петербурга столь же авторитетный моральный лидер, способный взвысить голос в защиту культурных ценностей и здравого смысла? Но все-таки Лихачев жив и сегодня. Жив в своем творческом наследии. Ученые труды академика выходят новыми изданиями, его публицистические выступления цитируются ничуть не реже, чем при жизни Дмитрия Сергеевича. И появляются в нашем культурном календаре все новые события, связанные с именем академика: конгрессы, выставки, конференции, экскурсии, вручение премий имени Д. С. Лихачева. В реализации многих начинаний ключевую роль сыграл петербургский Фонд имени Д. С. Лихачева, правление которого бессменно возглавляет писатель Даниил Гранин.

А сегодня, с любезного разрешения Даниила Александровича, мы публикуем его статью, посвященную памяти Д. С. Лихачева.

Даниил ГРАНИН

Когда ушел из жизни Дмитрий Сергеевич Лихачев, нахлынуло чувство беззащитности и одиночества. Думаю, не у меня одного.

Я привык, что есть человек, по которому можно сверять свои поступки. Его присутствие мешало идти на сделки со своими слабостями. Он защищал нас от того злого, мстительного, циничного, что ежедневно порождало наше время.

Явление Лихачева было необычным, и, как водится, мы не смогли должным образом оценить его. Только теперь начинаешь видеть величину потери.

Беда нынешней жизни в том, что не стало личностей, некого любить, не с кем считаться.

Как-то ко мне обратились деятели культуры из Эстонии, просили приехать, выступить перед читателями. Зная несправедливости, какие происходили там с русскими, я отказался. Они сослались на Лихачева — а вот он приехал. Я обратился к Лихачеву. Он сказал: очень важно, когда вы нужны. Но самым убедительным был его собственный пример. Слова у него не расходились с делом. Я поехал в Эстонию и убедился, что надо было поехать.

Будущему времени феномен Лихачева покажется непонятным. Жил-был учёный, большой учёный, занимался древнерусской литературой, в сущности кабинетной, книжной наукой. Каким образом он стал выразителем общественной совести в этой взбаламученной огром-

ной стране, в эти смутные годы? Почему с ним считались и народ, и власти? Почему достойнейшим представителем русской интеллигенции?

Почему, наконец, все разъедающее время не смогло сокрушить его, почему он устоял, несмотря на все невзгоды, потери, преследования?

Во-первых, его сформировала семья потомственных русских интеллигентов, во-вторых, школа. Школа была особенной, в ней поощряли собственное мировоззрение, учили перечить, требовали самостоятельного мышления. Так воспитывали духовное бесстрашие.

И было третье — ссылка. После Университета его арестовали за участие в студенческом кружке, и он четыре с половиной года провел на Соловках. Он рассказывал, какая интересная публика была на Соловках. Но и там он исхитрился заниматься археологией, изучать искусство реставрации, занимался биографией беспризорников. Они признавались: «Мы тебе врем». А ему интересно было, как они врут, какова философия самооправдания. Впоследствии Лихачев написал работы о воровской речи, об обычаях воровской игры в карты.

Он умел использовать любые свои несчастья. Сам он определил это свойство термином «резистентность» — сопротивляемость.

Воспитанная школой и семьей духовная прочность помогала выстоять в любых условиях. И позже, когда его проваливали на выборах в Академию наук, трижды проваливали, когда его не выпу-

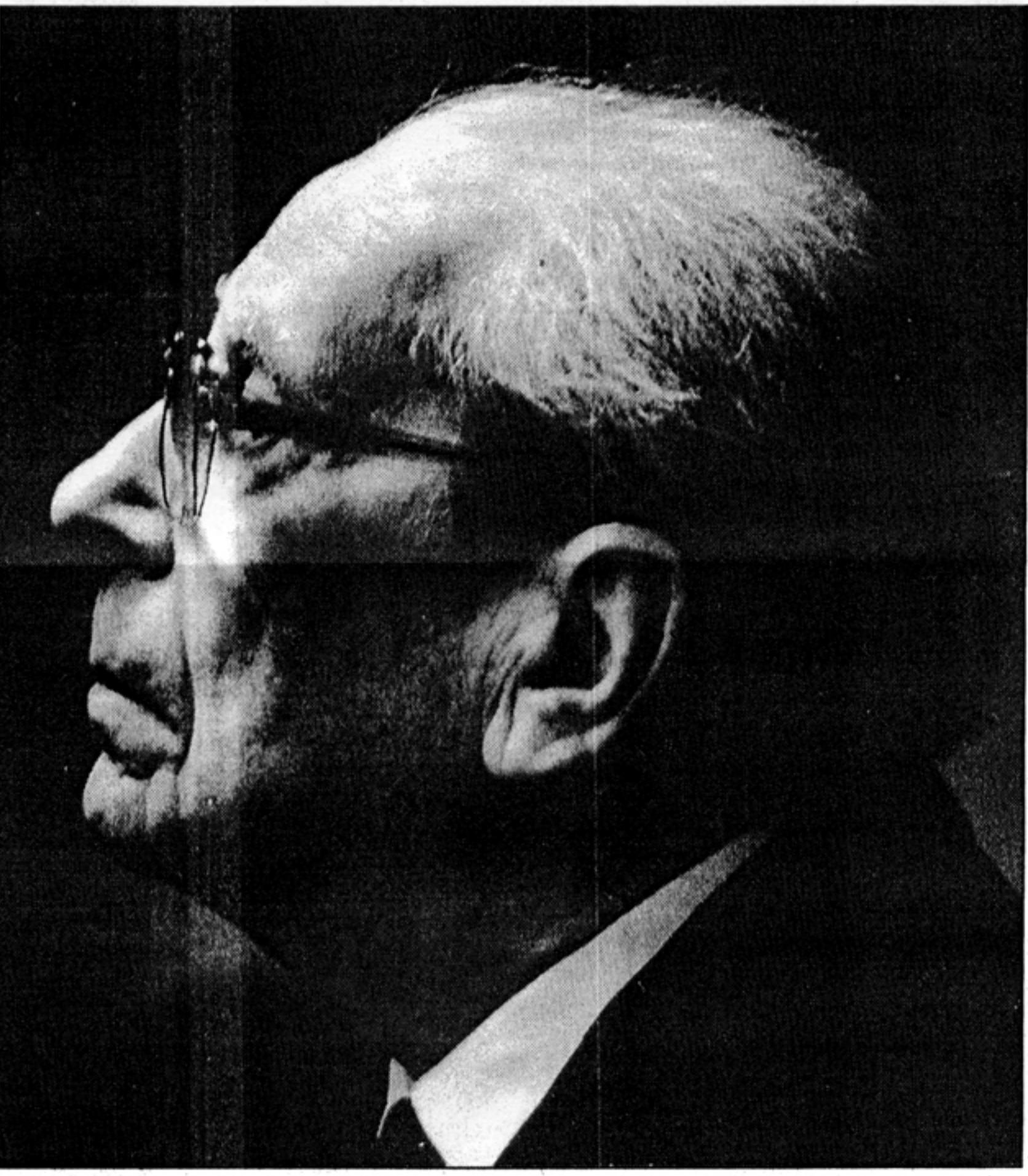

ФОТО Александра КРУПНОВА

скали за границу, на международные научные конференции, он относился к этому недостаточно спокойно, даже иронично.

Во время блокады он сумел написать вместе с М. Тихановой книгу «Оборона древнерусских городов», сумел выдержать испытания голодом, сохранить достоинство, хотя, работая над «Блокадной книгой», я убедился, как это трудно, как голод искажает людей.

В Пушкинском Доме он проработал 50

с лишним лет. В этом был стиль его жизни: жить глубоко, а не вширь. Ему нравилась оседлость жизни. Он считал это благом. Казалось бы, после всех бедствий занятие древнерусской литературой — идеальное убежище, безопасное убежище, в котором он мог укрыться от всех треволнений мира. Однако не получилось. И по многим причинам. Время то и дело бросало ему вызов.

(Окончание на 2-й стр.)

Наша печаль, наша любовь

(Окончание.

Начало на 1-й стр.)

В 1960-е годы возникла идея перестройки Невского проспекта. Я помню, как тогда его это взволновало. Вместе с Дмитрием Сергеевичем я присутствовал на заседании архитектурного художественного совета. Перестройка была намечена основательная. Нижние этажи всех домов предполагалось соединить в одну общую витрину, создать особое пространство, сделать его пешеходной зоной. Грандиозный проект во славу наших архитекторов — городского начальства, которое хотело себя увековечить и отличить. И вот началось обсуждение. Дмитрий Сергеевич выступил с речью. Это была блестящая речь. Он доказал, что перестройка Невского губительна для всей культуры, Ленинграда, России, через которую проходит Невский проспект. Я эту речь, если бы можно было ее разыскать, повесил в Архитектурном управлении. Мы его поддержали, но, конечно, именно она сыграла свою решающую роль, и прежде всего благодаря Дмитрию Сергеевичу Невский был спасен.

Так начались его выступления — в защиту Екатерининского парка в Пушкине, Петергофского парка. С тех пор он стал препятствием для ленинградских властей, для всех невежественных, корыстных проектов. Во-

круг него объединялась общественность.

Наша история, как и любая другая, никогда не упоминает людей, которые спасают культуру. Мы не знаем имен ни разрушителей, ни спасителей. Мы знаем только создателей. Сколько памятников в Ленинграде порушили — например, принцу Ольденбургскому на Куйбышевской больнице. Великолепный был памятник. Кто распорядился убрать? Зачем? Мы не знаем имен вандалов. Так же, как, впрочем, не знаем, что Лихачеву обязан не только Невский проспект. Ему мы обязаны тем, что сохранился Земляной вал вокруг Новгорода. Ему обязаны многие храмы и церкви, которые он спас от разрушения.

Многие годы его держали невыездным. Ему угрожали. Его избили в подъезде дома. Подожгли квартиру. Он оставил неизменным. В сущности — всегда лишь порядочным человеком, отнюдь не диссидентом — но, может быть, это было еще опаснее.

Не берусь определять его научные труды, особенно в области текстологии, могу лишь сказать, что он умел находить в русском средневековье то, что соединяет нас с цепью времен, ибо человек есть часть общества и часть его истории. Его работы способствовали возрастанию роли гуманитар-

ных наук, которые противостоят дегуманизации человечества. Не случайно именно он ввел термин «экология культуры» и насытил это понятие заботой о сохранении культурной среды, которая необходима для духовной оседлости человека. Для нравственной самодисциплины. Нарушение природной среды еще можно восстановить, разрушение памятников культуры по большей части невосстановимо.

Конечно, широкая аудитория воспринимала не его научные труды, не научный, а моральный авторитет. Это очень любопытная ситуация, когда ученый становится совестью, лидером общественности, интеллигенции, а может быть, в какой-то мере — и нации. Независимо от своих научных работ. Подобное мы видели и на примере Сахарова. Необходим человек, которому можно верить. Лихачеву верили. Как чувствуется фальшивь, так чувствуется и правда, люди понимали, что нет никакого разрыва между тем, о чем он говорит, чему он верит, и тем, что он делает.

В этом смысле Лихачев, конечно, редкая фигура. Говорить сейчас умеют многие — научились. Искусство демагогии выросло чрезвычайно, и тем не менее люди ощущали правду его слова. Он ни к чему не призывал, ничего не учил. А если учил, то опытом своей жизни. Это было то,

чего мы раньше не видели и не слышали. И сегодня не видим, не слышим больше — после Лихачева. Он незаменим.

У Лихачева было глубинное, сердечное умение найти дорогу к душевому современному человеку. Дорога стала труднопроходимой, она загорожена. Душа закрыта, застегнута, всячески защищается от попыток разных усилий проникнуть в нее во имя своей корысти, во имя политических соображений. К человеку сегодня подступиться трудно. Лихачев это умел. В чем тут секрет, я до конца не понимаю, это высокое искусство, которое всегда тайна.

Он был очень крупным мыслителем. Однажды на одной дискуссии, рассуждая о будущей жизни, я высказался довольно пессимистично. Он на это заметил, что пессимизм — привилегия марксизма, самого пессимистического учения, поскольку оно считает, что материя первична, а дух — вторичен, что бытие определяет сознание. Вот это и есть пессимизм — предполагать, что все зависит от материального мира. На самом деле дух первичен и сознание определяет бытие. В этом и состоит оптимизм человека — призыв к активности.

Его размышления о миссии России, о взаимоотношениях науки и искусства — чрезвычайно глубокие интересные работы, преимущества которых не толь-

ко в свежести и глубине мысли, но и в том, что написаны они очень просто и понятно, что отличает крупных философов.

Лихачев был боевым одиночкой. Борьбу со злом всегда начинает один, не ожидая подкрепления. В его распоряжении не было ни партии, ни движения. Не было и влиятельной должности, вертушки. В его распоряжении была лишь моральная репутация, авторитет. Правда.

Была еще одна черта, сегодня особенно важная, — стиль его жизни. Дача — несколько скромных комнатушек в коммунальном бараке, где он проводил большую часть своей жизни в Комарове. А ведь у него могла быть личная отдельная дача. Как-то мы поехали с ним смотреть дачи «новых русских». Помню его удивленную брезгливость к этим виллам, особнякам, к этой роскоши. Он не был аскетом, любил удобство, комфорт. Но не считал для себя возможным пользоваться этим, особенно в наше время.

Скромная городская квартира, в которой он жил, тесная по современным понятиям для ученого мирового класса, была завалена книгами. Он принимал иностранных гостей со всего мира в маленьких комнатушках в Комарове. Никогда не стеснялся, не считал, что должен иметь какие-то роскошные апартаменты. И это сегодня, когда ажиотаж, азарт стяж-

тельства, тяга к богатству охватили все слои общества. Люди стараются урвать себе как можно больше. Причем все — и учёные, и генералы, и правительственные чиновники. Стиль жизни Лихачева — вызов интеллигента всему обществу приобретателям.

Мы часто оправдываемся: «А что я могу? А что мы можем сделать?». Это говорят все, на всех уровнях: «Я бессилен». А Лихачев один, не имея ничего в распоряжении, кроме своего слова и пера, — ничего у него больше не было, — смог.

Он стал безмолвным призывом каждому из нас: мы можем гораздо больше, чем делаем. Мы можем быть гораздо больше, чем мы есть. Мы можем гораздо больше сделать, чем делаем. Если не будем искать себе оправдания. Жизнь показывает, что это трудно, но не безнадежно.

У Лихачева был талант человека, который знал, что ему надо делать, знал, что он обязан делать, — талант ответственности. Перед историей, обществом. Перед самим собой, перед своим прошлым. Перед своей верой.

Думаю, не случайно Д. С. Лихачев связал свою судьбу с Петербургом, был верен всю жизнь культуре нашего города, его красоте, его интеллигентности, и для города он останется и гордостью, и любовью.